

Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность женщин из неполных семей

ЛУКЬЯНЧЕНКО Н.В. СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖЕНЩИН ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

English version: [Lukyanchenko N.V. Family identity of women from incomplete families](#)

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф.Решетнева,
Красноярск, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В современном социуме, где приветствуются ценности свободы, и одновременно высока ориентация на поиск нормативного способа жизнедеятельности, исследования идентичности являются средством общественного самопонимания. В проблематике идентичности семья, приобретающая множественные формы, представляет собой интересный объект для исследовательского внимания. Идентичность членов различных семейных групп должна отражать самоконцептуализации их устройства, детерминированные отношением к их социальному статусу. Неполная семья в настоящее время имеет противоречивый социальный статус. Исследования неполных семей в гуманитарных науках в большинстве своем посвящены проблемам воспитания и социализации. И практически не рассматривается то, как взрослый член неполной семьи идентифицирует себя в своем семейном статусе. В соответствии с этим проведено исследование семейной идентичности женщин из неполных семей. Семейная идентичность понимается как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах. Составляющие семейной идентичности выявлялись посредством диагностического комплекса, включающего идеографические методики. Выявлены следующие особенности семейной идентичности женщин из неполных семей: идентификация семьи, прежде всего, как себя с ребёнком с возможной перспективой увеличения её состава, уверенное самоопределение в семейной иерархии при пассивной позиции в системе взаимодействия; высокая эмоциональная значимость себя и низкая, вплоть до отвержения значимость «супруга», что вступает в противоречие с его декларируемой желательностью, восприятие своей семьи как сплочённой, доброй в отношениях и скромной в своих проявлениях группы, себя – как заботливого, доброго, целеустремлённого члена семьи. И себе, и семье могут приписываться негативные характеристики. Такой характер семейной идентичности определяется ее дефицитарным социальным статусом, служит его субъективным «оправданием» и в то же время его поддерживает.

Ключевые слова: семья, идентичность, семейная идентичность, неполная семья, социальный статус

Семья – особая по важности для человека и общества группа. Многофункциональность, способность удовлетворить важнейшие человеческие потребности при всех актуальных

трансформациях придает ее существованию фундаментальный характер [Acherman, 1937]. Именно семья как никакая другая группа смыкает в и переплетает социальное и индивидуальное в существовании человека.

Институт семьи, указывает Л.В.Карцева, на протяжении своей истории служил в большей степени обществу, чем индивиду, а в наше время семья становится структурой, жизненно необходимой для отдельной личности. Российская семья, по мнению автора, находится в процессе модернизации, переноса «центра тяжести» в системе взаимодействия «социум – семья – индивид» с общества на индивида [Карцева, 2004]. Даже само понятие «семья» приобрело столь размытые очертания, что стало определяться не посредством объективных критериев, а через субъективные самоотнесения индивидов [Hanson, 1992].

В этой связи особое звучание приобретают слова Г.М.Андреевой о том, сколь важно в ситуации радикальных преобразований всех систем организации общества изучать особенности категоризации социальных объектов рядовым субъектом. Существенным элементом социальной категоризации выступает самокатегоризация индивида, «истолкование» им себя в новой, изменяющейся социальной ситуации [Андреева, 2005]. Речь идет о проблеме социальной идентификации и социальной идентичности человека в трансформирующемся обществе [Андреева, 2005; Тхостов, Рассказова, 2012; Марцинковская, Солодникова, 2018]. М.В.Заковоротная дает такую формулировку идентичности: это «модель жизни, позволяющая разделить Я и окружающий мир, определить соотношение внутреннего и внешнего для человека, конечного и бесконечного, адаптации и самозащиты, упорядочить разнообразие в целях самореализации и самоописания» [Заковоротная, 1999, с. 12].

Назрела необходимость разработки проблемы семейной идентичности современного человека, составляющей основу его субъективного самоопределения в реализации себя как семьянина [Лукьянченко, 2011; Строкова, 2014; Cigoli, Scabini, 2006; Epp, Price, 2008]. Являясь субъективным образом принадлежности к группе, семейная идентичность в своем функционировании определяется социально-психологическими механизмами группового аспекта жизнедеятельности человека и лежит на пересечении действия по крайней мере двух векторов социально-психологических закономерностей. С одной стороны, идентичность является способом самоконцептуализации группового членства, его субъективной трактовкой [Павленко, 2000]. И эти трактовки имеют во многом защитный характер. С другой стороны, формирующийся при этом субъективный образ групповой принадлежности является способом конструирования социального бытия человека. Так авторы исследований субкультур, коими столь богато современное общество, рассматривают групповую идентичность их членов как средство позиционирования ценностей и особенностей, отличных от социально желательных [Гусельцева, 2018].

В этом контексте семья представляет собой чрезвычайно интересный объект рассмотрения. В современном обществе она сама приобретает множественные формы. И при этом, если говорить о российском обществе, признание права на существование разных способов семейного жизнеустройства сопровождается выраженными тенденциями придавать нормативную ценность определенному его типу, с которым соотносятся реальные семейные группы. Это дает основание полагать высокоактуальными исследования семейной идентичности. Как показали наши исследования, семейная идентичность субъектов разных типов семейного жизнеустройства имеет характерные особенности. Например, женщинами, отбывающими наказание, семья категоризируется как «хорошая, но невезучая», и именно с социальной неблагополучностью связывается ее эмоциональная значимость [Лукьянченко, 2012].

Исследование семейной идентичности мужчин, состоящих в однополых союзах, показало, что они квалифицируют как семью гомосексуальную пару. Семья характеризуется эмоционально насыщенными, неформальными отношениями и единством взглядов, что обеспечивает стабильность отношений (их «неугасаемость»). Себя определяют как ответственного члена семьи, заботящегося о поддержании особого экзальтированно-любовного качества отношений, своего рода его

«консервации» [Лукьянченко, 2015].

Показательны результаты исследования семейной идентичности женщин, принявших решение о прерывании беременности, часть из которых состояла в зарегистрированном браке, и часть – в незарегистрированном сожительстве. Выявились как общие, так и специфические для этих групп особенности. Общим является подчеркивание положительности образа семьи с точки зрения социальной нормы. Себя женщины характеризуют как ответственных членов семьи с направленностью на поддержание качества отношений. При этом у состоящих в официальном браке женщин выше эмоциональная значимость супруга, а у женщин, состоящих в незарегистрированном союзе, выше значимость имеющегося в семье ребенка. Ведущими характеристиками в оценке семьи у женщин, состоящих в официальном браке, является сплоченность и эмоциональный аспект отношений, в то время как для женщин, состоящих в незарегистрированном браке, ведущая характеристика – соответствие среднестатистической социальной норме. Женщины, состоящие в незарегистрированном сожительстве, в большей мере характеризуют себя с точки зрения чувственного насыщения отношений (любящие) и жертвенно подчиненной позиции в вертикали семейной иерархии [Лукьянченко, 2014].

Одной из форм семейного жизнеустройства является так называемая неполная семья. К категории неполных относятся семьи матерей, проживающих без партнера и родивших ребенка вне брачного союза, разведенных или овдовевших. Статус такой семьи в обществе довольно противоречив. Эта противоречивость проявляется даже в публикациях, содержащих статистические данные. Среди них можно встретить как декларирование того, что за последние два десятилетия число таких семей многократно увеличилось, так и констатацию сокращения их количества в последние несколько лет. Аналитическая стилистика при этом пронизана интонацией их нежелательности. В обсуждениях можно встретить выражения «современные женщины выбирают...» и тому подобные, декларирующие право на женское самоопределение в современном обществе. Но официальное название таких семей подчеркивает их дефицитарность: неполные. И это на фоне чрезвычайно щепетильного отношения социума к наименованиям других ненормативных групп.

Следует отметить, что неполная семья является объектом множества исследований социологов, педагогов и психологов [Демидов, 1985; Кирикова, 2009; Николаев, 2015; Фигдор, 1995; Целуйко, 2003; Bank et al., 1993; DeGarmo et al., 1999; Frieman et al., 2006]. В большинстве своем они посвящены проблемам воспитания и социализации в таких семьях. Многие работы рассматривают вопросы «компенсации» отсутствия второго родителя. Вместе с тем есть исследования, направленные не столько на определение дефицитов условий социализации в неполных семьях, сколько на выявление специфики этих условий и их влияния на ребенка. Интересны результаты исследования семейной идентичности (понимаемой как совокупность идентификационных проявлений) подростков из разных типов семей. Выявлено, что показатели переживания принятия семьей, семьи как ценности, представленности образа семьи, вовлеченности в жизнь семьи, внутрисемейных коммуникаций и восприятия истории семьи у подростков из неполных и полных семей не имеют существенных отличий [Строкова, 2017]. Показано, что для формирования у подростков ответственности и личностных границ более приоритетное значение имеют психологические составляющие семейного воспитания (представления подростков о воспитательных тактиках матери) по сравнению с формальным типом семьи [Зуев, 2009]. Важными являются результаты исследования, в котором рассматривается не только ситуация ребенка в неполной семье, но и то, как справляется с ней взрослый. Выявлено, что связь стиля воспитания и копинг-стратегий матери имеет в неполных семьях свою специфику. В плане психологического благополучия ребенка ситуация в неполной семье более сложная и противоречивая, но при этом характеристики неполной семьи как института социализации по сравнению с полной не имеют однозначно негативной окраски и неполная семья вполне может справиться с функциями института социализации [Белинская, Дубовская, 2016]. Как видим, внимание исследователей фокусируется на оценке возможностей неполной семьи в реализации репродуктивной функции. И практически не рассматривается то, как взрослый член неполной семьи определяет себя в этом своем статусе.

Опираясь на вышесказанное, мы провели исследование семейной идентичности женщин из неполных семей. Семейная идентичность понимается нами как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах [Лукьянченко, 2012].

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 45 женщин в возрасте от 27 до 45 лет, самостоятельно воспитывающих одного или двух детей. Из них 84% состоят в разводе, 16% респонденток никогда не вступали в официальные брачные отношения. 76% принявших участие в исследовании женщин имеют высшее образование, 24% респонденток имеют средне-специальное образование.

Методики

Проблема методического обеспечения исследования, на наш взгляд, может рассматриваться с учетом опыта исследований групповой специфики в этнопсихологии. «Естественнонаучный» методический инструментарий, предполагающий выделение стандартных параметров и их сравнение в разных группах, дал интересные результаты, но в то же время критиковался как предвзятый, не «схватывающий» специфику этнических групп, психическая организация которых структурируется по своим, отличным от заложенных в стандартизованных методиках принципам. Использование идеографических методов позволяло составить относительно целостные портреты ментальности исследуемых групп [Стефаненко, 2004].

Составляющие семейной идентичности выявлялись посредством диагностического комплекса, включающего идеографические методики:

1) структурный аспект семейной идентичности: проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» в описании Э.Г.Эйдемиллера и И.М.Никольской [Эйдемиллер и др., 2003]. Методика позволяет выявить, что, собственно, считает респондент своей семьей, что включает в ее границы, как представляет свою собственную позицию в ней в реальном и идеальном вариантах. Следует отметить, что проведение этой методики дало весьма интересные и вариативные результаты в исследованиях семейной идентичности разных типов семей. Так, женщины, отбывающие наказание и имеющие малыша в Доме ребенка, к семье относят расширенный вариант кровнородственных связей, включая как минимум три поколения, двоюродных и даже более дальних родственников. В семью определяется собственный ребенок, при этом самих себя многие женщины в состав своей семьи не включают. У представителей однополых союзов пара «я и партнер» определяется как центр семьи. Но при этом имеют место специфические различия у мужчин и женщин. Общая тенденция для женщин, состоящих в однополых союзах, – специфическое расширение ее состава. В границы семьи включаются родители, друзья, домашние животные (почти всегда есть кролик), неодушевленные предметы (автомобиль), ценности и чувства (например, любовь). Все эти объекты представляют собой недифференцированную массу, рассредоточенную в границах семейного круга. Представители мужских однополых союзов демонстрируют фактически альтернативный вариант видения семьи: в большинстве рисунков ее состав ограничен гомосексуальной парой, но в некоторых добавляются кровные родственники. При этом пара партнеров является центром или вершиной иерархии, а остальные члены семьи к ней «примыкают», часто обозначаясь как совокупность «родители» или «родственники». Рисунки принявших решение о прерывании беременности женщин, состоящих в незарегистрированном сожительстве, имеют ярко выраженную особенность, специфическую именно для этой группы. Особенность состоит в практическом отсутствии границ семьи. При этом определилось два варианта: либо члены семьи изображены за

пределами круга, обозначающего семейные границы, либо этот круг обозначает ребенка, а супруги, каждый по отдельности, к нему примыкают на значительном отдалении друг от друга. Реальные и идеальные образы семьи у представителей однополых союзов и у женщин, принявших решение о прерывании беременности, по большей части идентичны, в то время как в большинстве условно нормативных семей реальное и желаемое имеет отличия;

2) эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности: «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М.Эткинда [Практикум по психодиагностике, 1988]. Методика использовалась для выявления уровня эмоциональной значимости семейных объектов. Примером специфических особенностей этого аспекта может служить сравнение женщин, принявших решение о прерывании беременности, состоящих в официальном браке и в незарегистрированном сожительстве. Для первых высокую значимость имеет супруг, для вторых – ребенок, а супруг относится к неблагоприятным уровням эмоциональной значимости;

3) когнитивный аспект семейной идентичности: «Техника репертуарных решеток» Дж.Келли [Франселла, Баннистер, 1987] (для выявления содержания смысловых категорий, используемых при характеристике семьи и себя как члена семьи). В ходе исследований в семьях разного типа оформились тематические группы конструктов, которые используют респонденты в оценках семьи и себя как члена семьи:

- формальные (например, место проживания, профессиональная принадлежность);
- структурно-семейные: принадлежность к семье; состав, семьи (полнота, семейные роли); иерархия (доминирование, подчинение, равноправие в системе семейных отношений);
- характеристики отношений в семье: взаимопонимание, любовь, забота, открытость, сплоченность; характеристики психоэмоционального состояния: энергия, позитивность, уравновешенность;
- социальные: социальное превосходство (качества, демонстрирующие высокий социальный рейтинг), социальная нормативность (констатация «нормальности», отсутствия отклонений, невыраженности характеристик, присущих другим группам);
- инструментальные: инструментальное превосходство (высокий интеллект, креативность, способность решать проблемы, особая мудрость, владение знаниями, навыками); инструментальная нормативность – способность обеспечить каждодневное существование семьи: хозяйственность, рачительность, аккуратность) и целеустремленность как способность выстраивать собственную, независимую линию жизнедеятельности;
- морально-нравственные (духовность, ответственность, доброта).

Кроме этого универсального набора в каждой группе семей обнаруживались и специфические признаки-конструкты, используемые их членами. Для статистической обработки данных использовалась программа StatGraphics Plus.

Результаты

Структурный аспект семейной идентичности респондентов, выявляемый посредством рисуночной методики «Социограмма», определился в следующих тенденциях.

В 70% рисунков реальный образ семьи не включает супруга, а в идеальном образе он присутствует. Из этих семидесяти процентов сорок составляют социограммы, где реальная семья состоит из матери и ребенка или детей, а в идеальной к ним прибавляется муж / отец. В десяти процентах рисунков реальная семья состоит из множества родственников, которые в идеальном варианте заменяются на мужа. Еще 20% составляют изображения семей, состоящих в обоих вариантах из множества родственников, к которым в идеале прибавляется муж. Пятая часть женщин не включила супруга ни в один вариант изображения семьи. Десятая часть социограмм обозначает присутствие мужа / отца и в реальном, и в идеальном варианте семьи.

Описанное свидетельствует, что субъективное структурирование состава семьи респонденток достаточно динамично, не несет печати ригидности, как, например, в вышеописанной выборке женщин, принявших решение о прерывании беременности. В социограммах выборки данного исследования в идеальном варианте семьи может добавиться не только муж, но и новые дети, родственники мужа, и даже животные. Ни в одной социограмме нет варианта, когда дети, присутствующие в изображении реальной семьи, отсутствуют в идеальной, даже если это взрослые дети.

Используемые при интерпретации социограммы показатели свидетельствуют о следующем. Размер кругов, которыми в социограмме обозначают себя респондентки, либо средний, либо средне-большой, что говорит об ощущении достаточно высокой самозначимости. Расположение кругов по вертикали – середина либо выше, что интерпретируется как притязание на достаточно высокие позиции в иерархии. Положение самоизображения на горизонтали в абсолютном большинстве рисунков – слева либо посередине. Такое расположение трактуется как свидетельство не очень высокой личностной направленности на активность и «ведение» во взаимодействии.

Эмоционально-оценочный компонент семейной идентичности выявлялся с помощью цветового теста отношений (ЦТО). Методика позволяет определить эмоциональную значимость оцениваемого объекта, которая может быть отнесена к одному из четырех уровней: желаемое, актуальное, незначимое, отвергаемое. При анализе рассматривалась значимость для участниц исследования членов семьи, включая саму респондентку, и составляющих временной перспективы. Соответствующие данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение уровней значимости оцениваемых объектов по методике ЦТО (в %)

	Уровни значимости			
	Желаемое	Актуальное	Незначимое	Отвергаемое
Я	78	15	7	0
Супруг	14	33	20	33
Семья	45	38	14	3
Сын	39	42	19	0
Дочь	53	32	13	2
Мой отец	30	14	30	26
Моя мать	44	22	25	9
Отец супруга	11	22	35	32
Мать супруга	11	17	39	33
Прошлое	18	27	15	40
Настоящее	55	20	15	10
Будущее	44	36	18	2

Как видим, собственная эмоциональная значимость оценивается респондентками в абсолютном большинстве случаев как высокая, что является нормой субъективного благополучия. Значимость супруга распределена в оценках участниц исследования по разным уровням. Чуть более половины оценок относятся к неблагоприятным уровням. Третья часть оценок характеризует эмоциональное отношение к супругу как отвергающее. К уровню «желаемое» относится только 14% оценок.

Эмоциональная значимость семьи и детей в большей своей части соответствует благоприятным уровням. Хотя некоторое количество женщин определили их значимость как невысокую.

Оценки уровня значимости родителей весьма вариативны. Можно при этом обратить внимание, что в оценках собственных отцов редко встречается уровень «актуальное», а родители супруга по большей части относятся к неблагоприятным уровням значимости.

В оценках составляющих временной перспективы можно определить следующие тенденции: прошлое более чем в половине случаев оценивается в уровнях незначимости и эмоционального отвержения. Три четверти оценок настоящего имеют благоприятный характер. И еще несколько позитивней представлено будущее: четыре пятых оценок соответствуют высоким уровням эмоциональной значимости.

При обработке методики Дж.Келли, диагностирующей когнитивный аспект идентичности, определялась частотность использования разных конструкторов при сравнительной характеристике семьи (в сравнении с другими семьями и группами) и себя (в сравнении с другими членами семьи). Эти данные были включены в кластерный анализ (методом будущего соседа в евклидовом пространстве), позволивший разделить выборку на три группы. Первая из них составила 51% от общего числа респондентов, вторая – 31%, третья – 18%. В каждой группе были подсчитаны средние значения частотности употребления характеристик-конструкторов для оценок семьи и себя в выделенных группах. Результаты представлены в таблице 2. Полужирным выделены частотности конструкторов, наиболее популярные в каждой группе респондентов.

Таблица 2

Частота использования разных конструкторов при оценке семьи и себя как члена семьи (%)

Категории конструкторов-характеристик	Характеристики	Группы					
		1-я группа		2-я группа		3-я группа	
		семья	Я	семья	Я	семья	Я
Формальные		0,90	1,40	0,00	2,00	5,00	9,00
Структурно-семейные	семейная принадлежность	1,74	1,39	0,00	2,36	11,25	15,38
	состав семьи	5,20	0,78	10,70	0,43	2,50	15,88
	иерархия	0,00	0,57	0,00	1,64	1,25	1,60
Отношения	взаимопонимание	9,57	5,57	5,00	7,43	5,00	0,63
	любовь	3,04	4,35	2,86	6,14	10,00	2,13
	забота	6,13	7,39	2,14	5,79	2,50	8,38
	открытость	4,80	3,52	8,57	4,14	3,75	0,63
	сплоченность	12,20	2,13	9,30	2,00	12,50	0,70
Состояние	энергия	0,00	1,04	3,57	3,07	0,00	4,25
	позитивность	4,80	5,17	9,30	7,57	1,25	2,75
	уравновешенность	3,00	5,21	4,90	2,86	1,25	3,60
Социальные	социальное превосходство	1,30	6,04	7,14	11,00	6,25	4,90
	социальная нормативность	9,56	3,61	8,57	0,79	10,00	6,50
Инструментальные	инструментальное превосходство	1,30	3,74	6,43	4,70	7,50	0,63
	инструментальная нормативность	0,00	3,43	2,14	6,20	0,00	1,40
	воля (целеустремленность)	5,70	9,22	9,22	9,29	0,00	4,00
Морально-нравственные	духовность	4,90	4,70	4,30	2,29	0,00	3,50

	ответственность	3,96	5,78	0,14	9,29	6,25	4,50
	доброта	13,13	12,22	6,43	9,64	10,00	9,25
Отрицательные		6,65	4,26	3,57	0,86	3,75	2,90

Анализируя содержание таблицы, можно отметить следующее. Общим для всех групп является относительно высокая частотность использования характеристики «сплоченность» в оценках семьи и характеристики «доброта» в оценке себя как члена семьи. В отношении семьи часты оценки, характеризующие ее с точки зрения социальной нормативности. По большей части это фиксация невыраженности разных характеристик, которые могут присутствовать у других групп, своего рода обезличенность семьи. Особенностью выборки является также присутствие в оценках семьи и себя отрицательных качеств (в основном касающихся особенностей общения и хозяйственности), что нехарактерно для женщин из полных семей. Интересным также является тот факт, что характеристика «любовь» не очень часто используется респондентками в оценках себя, а если используется, то не в активной форме «любящая», а в страдательном залоге «любимая». Конструкты, характеризующие «социальное превосходство», у респонденток исследования также несколько специфичны. Они отражают не социальные достижения, деловые успехи, показатели социального статуса, а выраженную «качественность» гендерной принадлежности, женской роли. Это характеристики красоты и женственности. Конструкты, отражающие «инструментальное превосходство», то есть ресурсы компетентностей, ограничены формулировками «умная» и «мудрая» и встречаются не очень часто. За исключением второй группы нечасто встречается коммуникативная характеристика «открытость».

В оценках первой группы респонденток к описанным общим тенденциям добавляется высокая частотность характеристики «взаимопонимание» – для семьи; «забота» и «воля – целеустремленность» – для себя. В этой группе относительно редко используются структурно-семейные характеристики. Но часто (и чаще, чем в других группах) считают характерным и для семьи, и для себя качество «доброта». Если собрать эти описания в идентификационный портрет, то получается: я – заботливый, добрый, целеустремленный член нормальной (ничем не выделяющейся), сплоченной, пронизанной взаимопониманием семьи.

Во второй группе относительно часто семья характеризуется с точки зрения ее состава. И семья, и Я часто характеризуются качеством целеустремленности, способности иметь собственную линию жизнедеятельности. Самые высокие среди всех групп здесь показатели открытости и сплоченности в характеристике семьи и показатели ответственности в характеристике себя. Итоговый самопортрет может быть описан так: я – добрый, ответственный, целеустремленный, член сплоченной, общительной, целеустремленной, ничем особо не выделяющейся семьи.

Респондентки третьей группы часто подчеркивают наличие семьи и принадлежность к ней, характеризуют себя как носителя семейной роли «мать», себя, и семью часто характеризуют качеством «доброта». Себя также часто позиционируют как заботливого члена семьи, в отличие от самой семьи, у которой это качество не очень выражено. Семья часто характеризуется как любимая. Итоговый самопортрет здесь: у меня есть любимая семья!!! Это обычная добрая и сплоченная семья. И я в ней – добрая и заботливая мать.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, следует отметить.

1. В современном социуме с его множественными проявлениями, противоречием между ценностью свободы и ментальной конкуренцией нормативности способов жизнедеятельности исследования идентичности являются средством общественного самопонимания.

2. В проблематике идентичности современная семья, приобретающая множественные формы, представляет собой интересный объект для исследовательского внимания.
3. Неполная семья в аспекте социальной нормативности является в настоящее время группой с противоречивым статусом.
4. Исследование семейной идентичности женщин из неполных семей выявило следующие особенности:

- в структурном аспекте – определение семьи, прежде всего, как себя с ребенком с возможной перспективой увеличения ее состава, уверенное самоопределение в семейной иерархии при некоторой пассивности позиции в системе взаимодействия;
- в эмоционально-оценочном аспекте: высокая эмоциональная значимость себя, низкая – супруга, по большей части высокая значимость семьи и детей, оценка аспектов временной динамики имеет положительный характер от малозначимого прошлого к значимому настоящему и будущему;
- в когнитивном аспекте восприятие своей семьи как сплоченной, доброй в отношениях и скромной в своих проявлениях группы, себя – как заботливого доброго, целеустремленного члена семьи. И себе, и семье могут приписываться негативные характеристики. Отношение к возможному супругу противоречиво: с одной стороны, декларируемая желательность его присутствия в системе семейных отношений, с другой – часто негативное или равнодушное эмоциональное отношение. Такой характер семейной идентичности, на наш взгляд, определяется ее дефицитарным социальным статусом, служит его субъективным «оправданием» и в то же время его поддерживает.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения. Психологический журнал, 2005, 26(5), 38–42.

Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями молодежи. Социальная психология и общество, 2016, 7(3), 33–46.
doi:10.17759/sps.2016070303

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений. Психологические исследования, 2018, 11(58), 2. <http://psystudy.ru>

Демидов А.М. Неполная семья: опыт исследования финских социологов. Социс, 1985, No. 3, 145–148.

Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростовский-на-Дону государственный университет, Ростов-на-Дону, 1999.

Зуев К.Б. Психологические особенности подростков из неполных семей. Вестник Томского государственного университета, 2009, No. 324, 329–332.

Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе. Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология, 2004, No. 1, 65–72.

Кирикова М.И. Повышение воспитательного потенциала неполной семьи в условиях Центра социальной помощи семье и детям: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Российский государственный социальный университет, 2009.

Лукиянченко Н.В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева, 2011, 4(18), 162–165.

Лукиянченко Н.В. Особенности семейной идентичности осужденных женщин, имеющих детей. Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2012. С. 144–145.

Лукиянченко Н.В. Семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности. Социальная психология и общество, 2014, 5(1), 74–84.

Лукиянченко Н.В. Семейная идентичность мужчин, состоящих в однополых союзах. Социальная психология и общество, 2015, 6(1), 84–92.

Марцинковская Т.Д., Солодникова И.В. Трансформации социокультурной и лингвистической идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде. Психологические исследования, 2018, 11(58), 4. <http://psystudy.ru>

Николаев М.В. Региональные технологии и программы по формированию социально-педагогической компетентности родителей, воспитывающих детей в неполных семьях. Aspectus, 2015, No. 3, 20–24.

Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии. Вопросы психологии, 2000, No. 1, 135–141.

Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии. Консультативная психология и психотерапия, 2014, 3(82), 8–22.

Строкова С.С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа. Психология и право, 2017, 1(7), 34–52. doi: 10.17759/psylaw.207070104

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода. Психологические исследования, 2012, 5(26), 2. <http://psystudy.ru>

Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. М.: Наука, 1995.

Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: Владопресс, 2003.

Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2003.

Ackerman N.V. The family as a social and emotional unit. Bulletin of the Kansas Mental Hygiene Society, 1937, 12(2), 47–58.

Bank L., Forgatch M.S., Patterson G.R. Fetrow R. Parenting practices of single mothers: Mediators of negative contextual factors. Journal of Marriage and the Family, 1933, Vol. 55, 371–384.

Cigoli V., Scabini E. Family identity: ties, Symbols, and Transitions. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.

DeGarmo D.S., Forgatch M.S., Martinez C.R. Parenting of divorced mothers as a link between social status and boy's academic outcomes: unpacking the effects of socioeconomic status. Child Development, 1999, 70(5), 1231–1245.

Epp A.M., Price L.L. Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices.

Journal of consumer research, 2008, Vol. 35, 50–70.

Frieman B.B., Garon R., Mandell B. Parenting seminars for divorcing parents. Social Work, 2006, 5(39), 607–610.

Hanson M., Lynch E. Family diversity: implications for policy and practice. Topics in early childhood special education, 1992, 12(3), 283–306.

Поступила в редакцию 16 мая 2018 г. Дата публикации: 27 июня 2018 г.

Сведения об авторе

Лукьянченко Наталья Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии труда и инженерной психологии, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий, просп. им. газеты «Красноярский рабочий», 31, 660037 Красноярск, Россия.
E-mail: Luk.nv@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность женщин из неполных семей. Психологические исследования, 2018, 11(59), 8. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность женщин из неполных семей // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n59/1575-lukyanchenko59.html>

[К началу страницы >>](#)